

ДЕНЬ СВОБОДЫ

Я сейчас на 100% понимаю тигров. Я также металась по клетке из угла в угол. Не понимала, как люди могут спокойно за решеткой. Ты ничего не можешь сделать. Ты чувствуешь это всем своим нутром. У тебя шерсть на загривке встает, так ты чувствуешь эту клетку. Самое ужасное – ты не можешь повлиять на Систему. Она работает как часы. Ты уже попался, и тебя поглотили – жернова, мука.

Хочу рассказать о последнем дне, когда я была в тюрьме. Это было 16 февраля, пятница. Естественно, я не знала, что меня освободят. У меня этот день стоит в памяти. Он необычно начался. Было солнце. Такого солнца нет даже летом. Несмотря на мороз, солнце проникало везде. Снег выпал.

В тюрьме каждый день похож на другой, дни отличаются только по распорядку: письма приносят, или не приносят, есть встреча с адвокатом, или нет. В выходные фильмы показывают по первой программе, а все остальное время невозможно смотреть телевизор. С самого начала 16 февраля - это был какой-то странный день ...

У меня там девочка была – моя подопечная Люба. Совсем маленькая и глупенькая. Дитя улицы. Я попросила адвоката Черноусова ее защищать. Люба очень спорт любила. Она на меня смотрела как на тренера-гуру. Она очень странная. Могла ночью подойти, встать около меня и начать смотреть. У меня такое ощущение было, что я должна была что-то говорить, наставлять ее. Я ее спрашивала: «Люба, а чего ты хочешь в жизни?». «Я хочу учиться в юридическом» - говорит. «Как же ты хочешь в юридическом учиться, если не читаешь книжек никаких?» «Я буду читать». «Вот тебе книжки – иди и читай». Так я ее пыталась немножко учить.

Так получилось, что в эту пятницу 16 февраля все отказались гулять. Удивительно – за все 7 месяцев такого ни разу не было. Мы с Любой пошли вдвоем. Мы с ней позанимались спортом, побегали, побоксировали. Она на свободе занималась кикбоксингом. Я немного ее подучивала боксу. Она мне говорит: «Яна, что же я буду делать, если тебя не будет?». «Куда я денусь? Не волнуйся. У меня суд еще далеко. Не волнуйся. Я буду на месте» - отвечаю.

Только прихожу с прогулки, заходит дежурка и говорит: «Яковлева, по сезону». Обычно, если говорят «слегка», то ты понимаешь, что идешь к адвокату. Если «по сезону», значит – на выезд. Значит, ты должен одеть пальто, взять документы. Поскольку меня многократно возили «на выезд» знакомиться с документами, то я понимала, что приехали мои друзья-спецназовцы из Азовска, которые однажды сырниками кормили. Они все очень хорошие. Парни четко понимали, что есть какие-то реальные наркодела: кто мелкий потребитель, кто наркобарон. А есть вообще невиновные. Все это у них в поведении отражалось. Я была в их понимании вообще особенным недоступным персонажем. Они терялись, что со мной делать, как со мной общаться, и они меня подкармливали. Сырники приносили. Кто-то мне кока-колу покупал.

Я понимаю, что на выезд. Вдруг ко мне начинают подбегать вот эти тетki мои, девчонки, с которыми я 7 месяцев провела. Федоровна даже. Они говорят: «Ой, подожди, куда тебя везут?». Я говорю: «Не знаю. Наверное, еще что-то придумал этот упырь-следак». Они говорят: «Нет, наверное, на свободу». «Слушайте, у вас как язык поворачивается это слово произносить? Тем более – в отношении меня? Замолчите вы все здесь». Другая ко мне подбегает и говорит: «Знаешь, я сегодня такой сон видела. Мне кажется, ты на свободу пойдешь». «Лена, прекрати» - говорю.

Девчонки стали рыдать. Там, в тюрьме, когда нет точки опоры, очень развивается интуиция. Ты пришел в семью и вроде забыл о своих неприятностях. А там никуда не придешь. Ты уже там, и навсегда там. Каждый понимает – годы: 5, 7, 10 лет. Цифры эти только поначалу пугают, а потом ты уже к ним привыкаешь. Так перелопачиваешь время на себя.

Вдруг они все девчонки начинают ко мне сбегаться и говорить, что на свободу. Я говорю: «Подождите, вы сейчас сядьте и успокойтесь». Свобода - запрещенная тема в тюрьме, про свободу нельзя разговаривать. Так же, как нельзя разговаривать про мужчин, например. Мужчины – тоже запрещенная тема. Никто об этом вообще не говорит. Т.е. этой стороны жизни нет, и ты этого избегаешь. Ты понимаешь, что разговоры на запрещенные темы выводят тебя из состояния вот этого зыбкого, как тебе кажется, равновесия. На самом деле, это не равновесие, это просто – кома. Защитная кома. Поэтому люди пытаются не говорить на эти темы.

Почему-то в этот день запрет был нарушен. Ко мне все подбежали и говорят: «Ты идешь на свободу. Мы чувствуем. Посмотри – какой день». Я им говорю: «Вы, девочки, не ку-ку маленько? Слушайте, дуры. Я не хочу с вами разговаривать. Заткнитесь». Я собрала свои вещи. Села и сижу, жду.

Но при этом и меня что-то тронуло. Там была подружка Таня, которой 9 лет дали. Я ей сказала, если что, мою одежду разделить так и так. Она говорит: «Ты едешь. Возьми мою куртку». «Нет, я в своем поеду. Ты это тому отдашь, а это – тому отдашь». Там все вещи общие. «Ты, что, на свободу собираешься?» «Таня, прекрати» - говорю.

Мы выходим, и почему-то я запомнила, что какую-то женщину ведут со мной. Я подумала про себя: «Господи, а она-то за что сидит?». Как будто я уже смирилась с тем, что сижу по делу, а она что сидит? Такая приличная интеллигентная женщина. Стала с ней разговаривать. Начали с почты, что из газет выписываем. «Я Новую газету выписываю. » - говорю. «А почему Новую газету?» «Да у нас больше тут читать нечего. Там хоть что-то пишут». В тюрьме нет информации. Все пытаются что-то узнать. Из телевизора ведь ничего не получишь.

Охранники эти, спецназовцы меня сажают и забирают. Целая церемония передачи, там какие-то бумаги. Передают, как будто я кулек какой-то. Меня одни выписывают, передают другим. Да, они взяли. Кто-то принял, поставил подпись. «Ну что, мужики, куда едем?» - спрашиваю. «Ты знаешь, там что-то странное происходит. Выписали тебя и Процкого. Всех собрали и всех адвокатов вызвали». Я настолько от себя за это время отмела надежду, которая у меня была в начале, что не поверила, что есть какой-то шанс. Я сейчас даже через год, когда письма читала, поняла, какая я была тогда глупая и наивная. Я все время чего-то ожидала. Вот это ожидание, что меня сейчас выпустят, но почему меня не выпускают. Оно где-то там осталось в самом начале. Через 2 месяца я ничего уже не ждала.

Поехали. Приехали на Азовскую. Вдруг мне адвокат Зак говорит, что меня сейчас будут выпускать. А у меня никакой эмоции. До этого – я настолько перестала думать о том дне, когда меня могут выпустить. Это было так примерно, как если бы я сейчас начала думать, что есть некий принц на белом коне, с царством в придачу. Я же не думаю об этом сейчас. Также и тогда не думала. У меня ничего не дрогнуло абсолютно, когда он мне сказал, что тебя сейчас выпустят. «Выпустят – это как? Ну ты чего? Как-как выпустят?» «Ты свободной будешь?»

Я его слова воспринимаю так же, как и слова девочек в тюрьме. Я опять не понимаю. «Свободна – это как?» Он на меня так смотрит: «Тебя освободят». «Освободят? Понятно». А он ждет от меня каких-то суперэмоций, фонтана, слез, истерики – все, что угодно. Я стою и ничего. Для меня это как нереальное что-то, как если я динозавра на

улице встречу. Я не думала о том, что меня могут в принципе освободить. Что это такое – освободить? Он мне говорит: «Твои папа и мама уже здесь». «Хорошо, говорю». Вообще, как в танке. Абсолютное спокойствие. Он на меня смотрит и думает, что я под воздействием чего-то, потому что я не реагирую.

Единственное, когда я среагировала, когда спросила про Процкого. Адвокат говорит, что Процкого не освободят. «Почему?» «Мы так договорились, что освобождают тебя, а Процкого не освобождают. Вы подписываете 217-ю статью об ознакомлении с делом».

И тут на меня падает весь этот груз. Я как будто 7 месяцев отматываю назад. Т.е. я помню первый день, когда меня закинули в ИВС – изолятор временного содержания. Петровка, 38. Туда сначала все попадают, кого арестовали. Самое ужасное место на свете. Просто как Ад. Там первое погружение в действительность. Погружение в Систему. Там первые отпечатки пальцев. Я рыдала каждую секунду. Рыдала, когда меня повел первый конвойный. Рыдала, когда меня в первый раз повезли на суд. Рыдала, когда меня вызвали снимать отпечатки пальцев. Они абсолютно не удивлялись, поскольку по ходу рыдают все.

Помню слова оперативников: «Как приятно арестовывать приличного человека». Они тоже люди, кто арестовывает. Им не хочется по подвалам, а хочется прийти в элитный спортклуб в центре Москвы. Арестовать девушку на каблуках в белой юбке. Взять ее за руку. Мы же ехали на моей машине. Я его справа посидела. У меня такое спокойствие наступило. Я собралась и уже расслабилась. Они оказались нормальными мужиками. Спасибо, они не были в такой степени отмороженными, чтобы меня бить. Хотя они всячески потом декларировали, что когда арестовывают, то надо бить. Потом я уже узнавала о случаях ареста и понимаю, что они у себя людей дробят на касты. Есть люди «приличные» и «неприличные». «Приличных людей» они «прилично арестовывают». «Неприличные люди» – их можно дубасить.

Я же потом наслушалась массу историй. Я же думала, что раз девушка, то поэтому меня не били. Нет. На самом деле, девушек бьют. Не только бьют, а вывозят в лес. Если ты девушка таджикской национальности, то они вывозят тебя в лес и бьют ногами до простого полного изнеможения. Я понимаю, это что-то звериное. **Они как звери, и ты как зверь. Тебя загнали. Твое единственное оружие остается – это твоя сила, и она внутри.** Там такие законы, на интуиции. Ты уже не какое-то положение занимаешь в жизни – финансовый директор, замминистра финансов... А ты превращаешься в загнанное животное, которое либо пинок получит, либо в глаза посмотрит так, что не получит этот пинок.

Я не понимала, почему они меня угостили сырниками, например. Они перевозили меня на Азовскую. Когда я начала знакомиться с делом, то они присылали за мной этот отряд спецназовцев с автоматами. 5 мужиков, 5 автоматов. У каждого еще пистолет. По 3 мобильных телефона. Они меня так охраняли. Я даже думала, что в жизни, наверное, мне больше никогда не добиться такой степени важности собственной личности, что меня с такими почестями с 5 автоматами доставляют к бедному следователю Василькову. Спецназовцы с автоматами спрашивали: «Как там тебе? Тебе обратно не хочется?» «Ребята, что значит, не хочется? У меня там не дом сейчас. Конечно, я хочу домой». Хотя дом в 20 минутах находился.

До сих пор вызывает у меня трепет тот июльский день, когда шел страшный дождь. Сидел следователь с бульдожьим лицом и говорил, что Я – особо опасный преступник, который продолжает совершать свои особо тяжкие преступления. Я такая наивная. Я пыталась судье сказать, что это чудовищная ошибка. Я не совершала никаких преступлений. Я не собираюсь их дальше совершать, потому что их не совершала.

Единственное, о чем я думала, что в любой ситуации надо быть абсолютно интеллигентным человеком, достоинство сохранить. Первое, что я для себя решила: ни в коем случае нельзя сказать ни одного слова матом. Каждый из нас в жизни допускает матюки, к месту или нет. Вдруг я поняла, что в этой среде нужно быть абсолютно взвешенным, быть уравновешенным человеком с броней. В отчаянии человек должен самого себя к своему дну не допускать. Ты должен быть вне этого.

Тогда я четко поняла, что человек делится на две составляющие – его внутренняя душа и внешнее поведение. Они не связаны. Душа, даже не душа, а дух какой-то, дух должен быть в железном стакане. Когда тебе не на что опереться в жизни, ты не должен никогда никого допускать к нему.

И никогда нельзя давать пробой в этом железном стакане, которым ты свою душу окружил. Как бы тебе этого ни хотелось. Потому что, если ты один раз дал пробой, потом срыв. Даже не представляю, что бы было. Я никаких усилий не прикладывала. Просто я была собой в любых обстоятельствах.

У каждого человека свое. Устоять тем людям, у которых выбили все из-под ног, - это тяжело, трудно. Все равно, кроме тебя самого, - как барон Мюнхаузен себя за волосы из болота – никто никогда не вытащит из отчаяния. Даже, если у тебя впереди есть страшная неизвестность, не надо терять себя.

Я не говорю про Бога, мне сложно. В моей юности не было Бога. Сейчас, может, воспитывают так, дают человеку некую внешнюю опору, в виде той силы, которая тебя спасет в том случае, если что-то случится. Я видела, как люди просто сходили с ума. Там, в тюрьме, они начинали – вместо того, чтобы изучать дело, держать форму, быть взвешенным и ровным, они начинали биться головой о бетонный пол.

Были моменты, когда мне пришлось бы вступать в драку. **Это же такое сообщество людей, у которых инстинкты обнажены до предела. Люди как оголенные нервы.** Там достаточно вспышки, чтобы спровоцировать что-то невообразимое. Я видела, как это происходило. Именно интеллигентность позволяет даже не вспыхивать этим дракам вокруг тебя. Эти люди вокруг: воришки, наркоманишки, какие-то девочки, старшеклассницы. Все как в одном пионерлагере. Ты понимаешь, что чем ты умнее, тем тебя больше ценят.

В тот день, когда я поняла, что Процкого не освобождают, я сразу поняла, что кто-то меня выпустил на свободу, чтобы я бросила все, мобилизовалась и помогла Алексею.

Процкого мне было безумно ужасно. Я его знаю 15 лет. Я у него увидела слезы на глазах. Когда мне сказали, что я свободна, а он вернется в тюрьму. Я ему сказала: «Ты не переживай, все будет хорошо. Раз меня выпустили, то это не просто». Он мне что-то шепчет на ухо. Обнял меня просто. Прямо плачет. «Леша, не переживай. Я все сделаю для того, чтобы тебя отсюда выпустить. Раз меня уже выпустили, то я не остановлюсь ни перед чем. Да, да. Все теперь за мной». Мы же не знали, что его на суде выпустят. Не было ничего известно. Слава Богу, его тоже выпустили.

Я стала вникать в дело. Я сразу приехала к родителям. У меня же не было ни квартиры, ничего, поскольку, когда я вернулась, то мой любимый мне сказал, что не хочет со мной жить. У меня было время, чтобы забрать свои вещи. Я забрала вещи и вернулась к родителям, с которыми не жила 10 лет. Мне выделили комнату, пол-шкафа. Отец стал

меня посвящать в те перипетии, которые были за кадром, о которых нельзя было мне писать. Знакомясь с теми людьми, которые уже вступили в это дело. Тот новый круг, который образовался, - с журналистами, правозащитниками, с Лебедевым, Рыжковым, Людмилой Алексеевой. Я сразу погрузилась в этот новый мир. Я была настолько соскучившейся от безделья и от отсутствия общения с людьми, что я сразу бросилась во всю эту борьбу. Побежала на Эхо Москвы – они тогда еще интересовались Делом химиков и пытались правдиво рассказать о репрессиях ФСКН.

В те дни люди ко мне с вниманием и осторожно относились. Одни боялись меня как-то поранить, другие просто боялись. Будто бы я тигр в зоопарке, и меня выпустили из клетки. Тигр вышел, а все с осторожностью.

По поводу клетки и тигра. Когда меня привезли в тюрьму, и я увидела там всех этих несчастных женщин - это напомнило мне пионерлагерь. Смешно, но все такие дружные. Я была в шоке. Думала, что мне придется бороться с ними. Я была как в боксе – настроилась на оборону, закрылась, защитилась. Мне казалось, что уходить некуда, ты уже у канатов. А куда? Глухая оборона. Потом смотрю, что противников нет. Девчонки все такие, их всех жалеешь. Зарядка у всех. Я два дня полежала, а потом думаю, что можно тут жить, тут нормальные люди. Первые выходы на прогулку. Сделали бетонные клетки на улице, с решетчатым потолком. Даже дождь там пробивается с трудом. Я там металась как тигр в клетке. Потом эта мысль меня не опускала. Я вдруг поняла, что никогда не пойду больше в зоопарк. Я вдруг поняла, что чувствуют животные. Люди именно оказываются в ситуации животных там. Они загнаны, у них ничего нет. Они ни на что не могут повлиять. Им остается только молиться. Животные не могут молиться, поэтому просто мечутся и бьют хвостами по стене. Ненавидят всех тех, кто на них приходит смотреть. Они там, а мы – здесь.

Постоянное ощущение клетки. Я сейчас на 100% понимаю тигров. Я также металась, как тигр, по этой клетке из угла в угол. Не понимала, как люди могут спокойно здесь. Ты ничего не можешь сделать. Ты чувствуешь это всем своим нутром. У тебя шерсть на загривке встает, ты так чувствуешь эту клетку. Самое ужасное – ты не можешь повлиять на эту Систему. Она работает как часы. Ты уже попался, и тебя поглотили – жернова, мука.

Дело химиков не закончилось, и я участвую во всей этой борьбе. Результате не понятен. Завтра он может быть каким угодно. Я - до сих пор обвиняемая, хожу в суд. Я думаю, что каждый человек, которого постигла эта участь быть ни за что обвиненным в преступлениях, пытается рассказать, что нет, все не так. Я уже намного позже поняла, что есть Система, есть эти жернова. Если попал, то это уже все.

Конечно, сейчас мы все боремся. Пытаемся всячески рассказывать о подоплеке Дела химиков, высвечивать ее. Мы боремся с такой мельницей, что Дон Кихот – просто шенок по сравнению с нами. Никто из нас не знает, какой результат. Но я знаю, что даже, если результат будет суперотрицательным, моя внутренность, моя сердцевина – это всегда будет со мной, что бы ни было. Я знаю, что сделала все, что могла. Я сделала на 100% и знаю это. Что бы ни было, я всегда буду чиста именно потому, что чиста сама перед собой и близкими. Я всегда останусь человеком, потому что знаю, что я себя не потеряла. Может, это – какая-то моя особенность. Я не пошла на компромисс с Системой. Потому что преступники – они. Хотя нам всегда объясняют, что нужно идти на компромиссы. По жизни – да, но не в главном.

В главном нельзя идти на компромисс. Потому что тогда это уже будет не компромисс, Система перемелет тебя, сожрет и растопчет. Будет компромисс именно с самим собой. А кто еще с тобой останется? Помирать ты будешь не со стаканом воды, а

сам с собой. Человек – ты всегда сам с собой. Ты сам с собой должен быть честным и открытым.

Я верю в то, что для каждого человека испытанием являются разные по глубине события. Причем, они зависят от того, что человек может выдержать. Если человек не может выдержать событий на неглубоком уровне, он не дойдет до опасных глубин. Там как глубины в океане, есть 0, есть плюс 5 и минус 15. Для одного человека минус 5 – это уже трагедия. Он не выдерживает и срывается. Для другого – это минус 10, у третьего – это минус 15. Человек событие на уровне минус 5 не воспринимает как событие. Потому что его внутренняя трагедия случается на минус 15. Минус 5 – для него все лишь мелкие неприятности, фоновые колебания.

Человек должен стремиться к тому, чтобы его внутренняя устойчивость меньше зависела от каких-то внешних обстоятельств. Он внутренне себя должен настраивать: «Я могу все выдержать. Я выдержу, потому что я – это я». Он должен себе сказать, что нельзя сваливать на кого-то, потому что многие люди говорят, что, вот, все дураки вокруг меня, и меня никто не понимает. Но каждый человек – он как фигура в шахматах – призван исполнять свою роль. Он одинок на своей клетке.

Что помогает человеку выжить в тяжелых условиях – это его внутренняя концентрация на самом себе. Внешнее не должно проникать и пробивать эту броню. Ты должен эту броню выстроить. Чем толще броня, тем тебе, наверное, посылают, может быть, более тяжелые испытания. Но, если ты можешь их выдержать, то слушай, ты – сильный человек.

Я, например, видела много людей и понимала, что с ними надо разговаривать. Эти разговоры помогают им обрести некую веру в себя. Тут то же самое – в тюрьме. Там вообще мало с кем хочется разговаривать. Выстраивание собственной брони отнимает у тебя, на самом деле, действительно силы. Ты уже не настроен общаться с кем-то. Но периодически ты видишь людей, которые как-то пытаются, но не могут. Своими советами – я считаю, что дала некоторым людям именно какую-то поддержку, помощь. Кому-то реальную помощь.

В тюрьме со мной была Аня, хрупкая романтичная девушка, ей всего 17 лет. Она стойко выносила всю агрессию по отношению к ней, которая была. Она разворачивалась и молча уходила. Это людей повергало в шок, потому что никто не понимал, что происходит. Когда они видят, что человек разворачивается в ответ на твою наглость и хамство и уходит, они чувствуют, что человек достигает крайней степени надрыва. **Человек в процессе этого надрыва способен на все. Когда человек способен на все, то его лучше не трогать.** Аня в свои 17 лет оказалась сильнее тюрьмы. Пытались наезжать, но она всегда куда-то забивалась и злобно смотрела. Брала книжку на английском, и это всех сбивало с панталыку.

Отрицательный опыт – он, в конечном итоге, положительный. Мне повезло, что в мою защиту поднялось целое общественное движение: все друзья и все хорошие люди. Мне повезло, что меня освободили. Это как человек, который оправился от смертельной болезни. Он был на грани, а ему объявили вдруг, что слушай, ты же жить будешь! Возникает новое понимание жизни. Я смотрю на людей, которые ноют на плохую погоду, там плохо и это плохо. Все это пустяки.

Человек, побывавший на грани и увидевший свет в конце тоннеля, никогда свет не забудет. **Тюрьма – это грань, как полусмерть. Ты понимаешь, что ты там, а вещи твои висят здесь. Или наоборот – ты здесь, а вещи твои висят там. Все тебя начинают потихоньку забывать, а ты – это лишь почерк на бумаге. У меня было**

такое впечатление, что я превращаюсь в некий почерк на бумаге. Меня никто никогда не увидит, и я уже никогда не буду такой.

Реальный мир все-таки здесь, а не там за решеткой. Хотя когда я была там, то казалось, что ты никогда уже не сможешь просто сидеть на кухне с друзьями и пить красное вино. Осталось понимание, что этот бокал красного настолько зыбок, завтра его просто может не быть. Каждый человек живет каким-то будущим. Я сегодня полежу на диване, а завтра встану и пойду. Или – хорошо, я не буду сейчас напрягаться, а завтра у меня такое будущее впереди. Нет никакого будущего впереди самого по себе. Мне это четко показали дни в тюрьме.

Иногда пытаюсь насильственно себя вернуть в тот День Свободы 17 февраля 2007 года, чтобы понять, что я счастлива. Когда мне начинают в голову приходить какие-то мысли грустные, что это не то и другое не так.

Я живу, и это есть счастье. Я могу ходить куда угодно. За мной не ходят автоматчики, и меня не перевозят автоматчики туда, куда я не хочу, чтобы меня перевозили. От меня зависит хотя бы что-то. Могу идти туда и сюда. Нет в этой жизни моментов, когда у тебя что-то не получается. Каждый день у тебя что-то получается. Ты смог купить себе пакет кефира. У тебя это получилось. Надо это понимать. Счастье – это не то, что что-то можешь или не можешь, а оно у тебя внутри. Счастье – когда ты понимаешь, что на свободе.